ПОМИНКИ

Жизнь торжествует в разномастном гуле,
Где вздохи вдов порою не слышны...
В большой эмалированной кастрюле
Замесит мама
Тесто на блины.

И соберёт соседок и знакомых,
Запрячет под косынку седину.
А тёплый блин
Вдруг встанет в горле комом,
Когда я на собравшихся взгляну.

Там, за окошком,
В этот вечер глуше
Шумят листвой осенние леса.
Помин души погибшего отца.
Она в мою переселилась душу!

Я разолью,
Как требует обычай,
Настойку, что от выдержки светла.
О коробок сломаю уйму спичек,
Прикуривая около стола.

* * *

На марше,
В карауле,
На привале,
Когда почти беспомощны слова,
Не красноречьем слова
Дружбу мы сверяли,
А степенью солдатского родства.
И в степень превосходную
К России
Мог возвести я преданность свою,
Когда вдоль строя знамя проносили,
Пробитое осколками в бою.

СИРОТА

Палисадники,
Пихты –
Станция Юшала.
У него из родных тут
Лишь Россия была.
Он с котомочкой тощей,
Как взрывною волной,
На вокзальную площадь
Был отброшен войной.
И под небом весенним
В сорок трудном году
Зарабатывал пеньем
Он себе на еду.
Пел он плохо и жалко.
Но плясал – как цыган!
Мурашами бежали
Цыпки вверх по ногам.
Мог сыграть и на ложках
О ладошку руки.
В кепку падали гроши,
Звякали медяки.
Вся в мазуте и саже
Телогрейка была.
Тётя Нюра однажды
В дом его привела.

Тётя Нюра в ушате
Замочила бельё...
То ли брызги на платье,
То ли слёзы её...

СЛЕПОЙ

В огне бомбёжки,
В адском скрежете
Навеки свет в глазах потух...
Так обострила тьма кромешная
Его обыкновенный слух,

Что научился он по голосу
Определять прохожих рост,
Как поле – по шуршанью колоса,
Сентябрь – по шелесту берёз.

Бесшумной палочкой бамбуковой,
Что верной спутницей была,
Не мостовую он простукивал –
Гремел во все колокола.

Звонил о братьях по оружию!
Как будто бы из-под земли
Неумирающие души их
На стук откликнуться могли.

Пожгла, сломала, исковеркала
Подлесок жуткая гроза...
А иногда во сне,
Как в зеркале,
Он видит вновь свои глаза.

ПОСЛЕВОЕННАЯ ВЕСНА

Брату Николаю

Ты помнишь ту весну:
Упрямо к небу
Рвалась настырно ранняя трава.
А наша мать
За полбуханки хлеба
Ночь напролёт вязала кружева.
Скребла полы
И клеила калоши,
Поглядывая часто на кровать,
Где спали трое пацанов подросших,
Любивших плакать,
Петь
И рисовать.
Ты помнишь?
Мама выменяла где-то
За кружева карандашей набор.
И не тогда ль
Я приобщился к цвету,
Который мне сопутствует с тех пор.
Им стал зелёный.
Зеленели листья
И не могли завянуть на корню.
И потому я позже
Стал танкистом,
Что в цвет защитный красили броню.

ТЁТКА ДАРЬЯ

В День Победы
Тётка Дарья –
Вот уже который год –
Утром мужнины медали
Мягкой тряпочкой протрёт.

Так в награды фронтовые
Въелась горечь передряг,
Что, всю жизнь прошив навылет,
Память
Встанет вновь в дверях...

Вот летишь ты на свиданье
За околицу села
Никакой не тёткой Дарьей,
А невестой, весела...

Сотни звёзд!
А может, тыщи?
И, не помня ничего,
Ты сама во тьме отыщешь
Губы жаркие его.

На счастливейшей полянке
Знать не знали
Ты и луг,
Что «Прощание славянки»
Вырвет милого из рук...

Я б за то вручал медали,
Что жила
В дни тех годин
Вера в силу ожиданья
Даже в плаче проводин.

Шла она с бойцами рядом,
Согревала в снег и в дождь...
Ты прильнёшь щекой к наградам
И украдкою
Всплакнёшь.

ПОЧТАЛЬОНША

Как долго –
Через всю Россию –
Шли письма.
Днём и по ночам.
А ты, девчонкой, разносила
Их по дворам односельчан.

Летела мигом
К ждущим окнам,
Надеждой жившим всякий раз.
Такая шустрая,
Во многом
Не сразу ты разобралась.

Взять даже то,
Что торопиться,
Пожалуй, надо не всегда.
Ведь в сумке выцветшей тряпичной
Могла пристроиться беда.

О, письма с фронта!
Глянув мельком
На штемпель, адрес и печать,
Кто смог бы так,
Как ты умела,
Их содержанье различать?..

Обманчивость благополучья –
Был в тыщу раз
В те дни страшней
Родных мужицких закорючек
Красивый почерк писарей.

Ты, размышляя на подворье,
Как бабья доля тяжела,
В конверт заклеенное горе
Вдове
Растерянно несла.

И, жадно вслушиваясь в сводки,
То в жар бросающих,
То в дрожь,
Солдатки знали –
По походке –
С какой ты весточкой идёшь.

КРАЙНЯЯ ИЗБА

Пурга.
Ни огонька и ни столба!
Усталости слепая паутина...

Но в белом мраке крайняя изба
Меня, как сына,
На ночь приютила.
В ней не нашлось домашнего вина,
Но угольки нашлись для самовара.
Хозяйка престарелая –
Одна! –
В ней, доживая век свой, зимовала.
В ней пышно взбитых не было перин,
И мне постелью стал тулуп овчинный.
А я сидел на лавке
И курил,
Прикуривая жадно от лучины.
В печи сухие таяли дрова,
Стреляя, как неотсыревший порох.
И думал о старушке я сперва,
Потом – о крайних избах,
От которых
Такой короткий путь до большака...
Отсюда – не на жатву урожая –
Сибирская крестьянка
Мужика,
Сынков своих на запад провожала.
Как ночи ожидания длинны!
Как луч надежды призрачен и тонок!
Здесь проходил
Передний край войны,
Сердца сжимая болью похоронок.
И если снова позовёт труба
Иль заметёт дорогу вьюга злая,
Проводит нас
И встретит нас изба,
Та крайняя изба –
Не хата с краю.

ЧИСТОТА

Суровое военное житьё.
И столько в нём традиций, сколько прозы…
И перед боем чистое бельё
Солдатам выдавалось из обоза.

Бойцы же треугольники потом
Политрукам зачем-то отдавали.
И главное едва ли было в том,
Что люди перед смертью надевали.

Ведь где-то токовали глухари,
А рядом на дыбы земля вставала...
И всё-таки,
Чего ни говори,
Какая-то здесь связь
Существовала.